

## ТЕРМИН «Μῦθος» В ПЕРВОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ «ПОЭТИКИ» АРИСТОТЕЛЯ

А. Ю. Нилова (Петрозаводск)

Петрозаводский государственный университет  
annnilova@yandex.ru

Трактат Аристотеля стал источником современной литературоведческой терминологии. Осмысление «Поэтики» и ее основных идей и категорий отражает историю развития литературно-теоретической мысли. В статье описывается интерпретация термина  $\mu\theta\omicron\varsigma$  в переводе «Поэтики» Аристотеля, выполненном Б. Ордынским, в контексте понимания этого термина отечественным литературоведением.

**Ключевые слова:** «Поэтика»; Аристотель; Б. И. Ордынский; перевод; миф

## THE TERM "μῦθος" IN THE FIRST RUSSIAN TRANSLATION OF ARISTOTLE'S "POETICS"

A. Yu. Nilova

Aristotle's treatise became the source of modern literary terminology. The comprehension of «Poetics» and its main ideas and categories reflects the history of the development of literary and theoretical thought. The article describes the interpretation of the term  $\mu\theta\omicron\varsigma$  in the translation of Aristotle's «Poetics» by B. Ordynsky, in the context of understanding this term by Russian literary criticism.

**Keywords:** «Poetics»; Aristotle; Ordynsky; translation; myth

«Поэтика» Аристотеля положила начало современной теории литературы и «во многом предопределила тезаурус и круг проблем современного отечественного литературоведения» [Захаров, 2012, с. 7]. Один из ее переводчиков и исследователей, Н. И. Новосадский, заметил: «Трудно указать другую такую же маленькую книжку, как Поэтика Аристотеля, которая столько бы раз переиздавалась, о которой так много было бы написано и которая имела бы такое большое влияние на целые литературные течения» [Новосадский, 1927, с. 5]. В. Н. Захаров объясняет уникальность трактата Аристотеля его научностью: «в отличие от других,

**Финансирование:** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00423, <https://rscf.ru/project/22-18-00423/>

Аристотель не давал правила, а учил понимать и анализировать поэзию» [Захаров, 2012, с. 7].

В настоящее время существует не менее 6 переводов «Поэтики» Аристотеля на русский язык. Однако еще до появления собственно переводов ее содержание было известно русским читателям через греческий текст и его переводы на другие языки. Влияние сочинения греческого философа можно найти в сочинениях Ф. Прокоповича, М. Ломоносова, А. Кантемира, В. Тредиаковского, Н. Остолопова, Н. Греча и других авторов литературно-теоретических работ XVIII – начала XIX вв. Первым переводом фрагмента «Поэтики» на русский язык стал перевод XXV – самой сложной в текстологическом отношении – ее главы А. Г. Глаголевым в 1919 г. Однако этот перевод имел прикладную функцию: он должен был стать аргументом в развернувшейся на страницах «Трудов любителей российской словесности при Московском университете» дискуссии о критике. Перевод и его место в дискуссии очень интересны с точки зрения понимания динамических процессов классицизма и романтизма в литературе 1810-х гг., но он практически не повлиял на развитие отечественной литературно-теоретической мысли.

В 1854 г. опубликовал свой перевод «Поэтики» Б. И. Ордынский. В основе перевода лежала магистерская диссертация переводчика, поэтому издание стало не только первым самостоятельным переводом, но и первым научным и критическим переводом трактата. Ордынский перевел первые 18 глав «Поэтики», остальные 8 пересказал близко к тексту. Перевод и подробный пересказ сопровождались «Предисловием», «Примечаниями» и обширным «Изложением», в которых переводчик коснулся текстологических проблем, указал на источники своего перевода, описал историю изучения и интерпретации трактата греческого философа, а также прокомментировал основные термины Аристотеля и указал на отсутствие в русском языке точных эквивалентов таких базовых для учения Стагирита терминов, как *μίμησις*, *πάθος* и *μῦθος*. Структура перевода определялась пониманием Ордынским концепции трактата Аристотеля: он считал, что основным предметом описания «Поэтики» является именно трагедия [Ордынский, 1854, с. 46], поэтому главы, относящиеся к общему описанию поэтического искусства и сущности трагедии, он перевел, а остальные пересказал.

Миф – одно из самых сложных понятий современной филологии, философии, социологии и других гуманитарных наук. При всем обилии существующих теорий мы не можем однозначно определить сущность этого явления и его роль в истории культуры точно так же, как не можем точно сказать, что понимал под ним сам Аристотель. В своей ранней работе «Очер-

ки античного символизма и мифологии» А. Ф. Лосев утверждал, что миф для Аристотеля – это прежде всего «подражание действию» [Лосев, 2021, с. 580], и далее уточнял: «Отождествляя миф с “подражанием действию”, Аристотель подчеркивает, что тут он имеет в виду миф как “сочетание фактов”. <...> В этом смысле трагический миф, как картина действий, резко противопоставляется изображению *характеров*» [Там же. С. 594]. Также миф в концепции Аристотеля, по утверждению Лосева, противопоставляется и изображению мыслей «ни в смысле каких-нибудь изречений и выражений, ни в смысле рассуждений. <...> Аристотель в весьма краткой формуле высказывает подлинную разницу, существующую между мифом, с одной стороны, и изображением характеров и умонастроения – с другой [Там же. С. 594]. Комментируя известное утверждение греческого философа о том, что поэт должен говорить «не о действительно случившихся, но о том, что могло бы случиться», Лосев утверждал, что «Аристотель сознательно противопоставляет миф реалистическому отображению людей и событий» [Там же. С. 594]. Т. е. Аристотель, по утверждению А. Ф. Лосева, понимает миф как «действенный символ жизни», «идеальную структуру жизни и смысловой скелет действия» [Там же. С. 594]. В более поздней работе «История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика» Лосев уточнил некоторые свои ранние утверждения, однако остался верен интерпретации понимания мифа Аристотелем. «Миф в “Поэтике”, – писал Лосев в 1975 г., – всегда есть только “фабула” или “сюжет”» [Лосев, 1975, с. 711]. В другом месте этой работы А. Ф. Лосев еще более четко противопоставил понимание термина *μῦθος* Аристотелем традиционной, общей интерпретации феномена мифа: «Там, где Аристотель конструирует понятие бога или богов, он совсем не прибегает к греческому слову *mythos*. Этот термин употребляется у него либо отрицательно (“выдумка”, “сказка”, “басня”, “рассказ”), либо положительно, но в последнем случае исключительно в смысле “выражения”, “изложения”, “фабулы”» [Там же. С. 710]. С рассуждениями А. Ф. Лосева о содержании термина *μῦθος* в «Поэтике», равно как и с закрепившейся благодаря латинским переводам передачей аристотелева термина *μῦθος* термином “фабула”, соглашался и М. Л. Гаспаров, отметивший, однако, что «для Аристотеля “фабула” – не свободно вымышленный сюжет, а именно “сказание”, миф из традиционного фонда трагических сказаний» [Гаспаров, 1978, с. 121].

Теоретические положения и терминология «Поэтики» оказали большое влияние на «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (1821 г.), наиболее близкую по времени к переводу Ордынского обширную литературно-теоретическую работу, составляющую фон для понимания роли и места перевода в истории отечественной теории литературы.

Остолопов часто ссылается на Аристотеля и местами очень близко к тексту пересказывает его трактат. Автор словаря не использует термин фабула, заменяя его словом «баснь» [Остолопов, 1821, т. 1, с. 292]. Однако он не уделяет этой части трагедии особого внимания, поэтому сложно определить границы и содержание понятия в интерпретации Остолопова. Заметим только, что он разделяет баснь как состав событий трагедии, и басню как жанр.

Б. И. Ордынский знал все эти ставшие уже традиционными для отечественного и европейского литературоведения варианты перевода термина *μῦθος*, однако предложил свой вариант – вымысел. Подробного логического объяснения такому переводу Ордынский не дал, заметив лишь, что «вымысломъ, *μῦθος*, называетъ Аристотель то, что мы называемъ 1) содержаниемъ и 2) сюжетомъ. Последнее слово едва ли замѣнимо русскимъ словомъ; не менѣ насъ затруднялся въ этомъ отношеніи и Аристотель. Онъ по всей вѣроятности первый усвоилъ слову *μῦθος* то значеніе, которое имѣетъ оно въ разбираемомъ нами сочиненіи и которое я рѣшился придать нашему слову: вымысль; оно, мнѣ кажется, точнѣе и опредѣленѣе басни, фабулы» [Ордынский, 1854, с. 77]. Далее переводчик указывает на случаи употребления слова *μῦθος* в трагедиях Эсхила «Персы» и Еврипида «Электра», где оно используется «въ значеніи содержанія» [Там же. С. 78].

С одной стороны, выбор для перевода аристотелева термина русского слова с компактным семантическим полем позволил переводчику избежать логической ошибки «объяснение неизвестного через неизвестное» – устоявшаяся в литературоведении интерпретация термина *μῦθος* посредством заимствованных слов «сюжет» и «фабула» требуют, в свою очередь, объяснения, что такое сюжет и фабула. Сложность соотношения этих терминов и их содержания стала предметом множества литературоведческих работ второй половины XX в. [Захаров, 2012, с. 57–62]. Трудности при использовании слова «басня» хорошо заметны из опыта Остолопова.

С другой стороны, основания для подобной интерпретации рассматриваемого термина есть и у самого Аристотеля. В XIV главе «Поэтики» читаем: «Τοὺς μὲν οὖν παρεῖλημμένους μύθους λύειν οὐκ ἔστιν, λέγω δὲ οἷον τὴν Κλυταμήστραν ἀποθανοῦσαν ὑπὸ τοῦ Ὀρέστου καὶ τὴν Ἐριφύλην ὑπὸ τοῦ Ἀλκμέωνος, αὐτὸν δὲ εὐρίσκειν δεῖ καὶ τοῖς παραδεδομένοις χρῆσθαι καλῶς» [Аристотель, 1453b22] («Хранимые преданием мифы нельзя разрушать, – я разумею, например, смерть Клитемнестры от руки Ореста и Эрифилы от руки Алкмеона, – но поэту должно и самому быть изобретателем и пользоваться преданием как следует» (пер. В. Аппельрота) [Аристотель, 1957, с. 84]. Т. е. Аристотель различает предание, как вообще набор и последовательность событий, общекультурный феномен, и миф, как их

конкретную, индивидуально-авторскую реализацию в трагедии. Заметим, что Ордынский, переводя этот столь важный для его концепции отрывок не употребляет слово «вымысел»: «Преданій передѣдывать не слѣдуетъ... Нужно и самому изобрѣтать, и преданіями пользоваться» [Аристотель, 1854, с. 20]. В. Н. Захаров указывает, что в современном литературоведении под фавулой понимается «развитие действия в хронологической или причинно-следственной обусловленности», в то время как «сюжет реализуется в самом процессе повествования» [Захаров, 2012, с. 60]. Кроме того, «для фавулы характерно устное бытование, т. е. то, что можно пересказать» [Там же. С. 59]. Таким образом, закрепившееся за термином «фавула» содержание более соответствует аристотелеву термину *предание*, а не миф, и это дало повод Ордынскому искать другие эквиваленты.

Предложенный Ордынским перевод термина *μῦθος* не породил традицию и не был воспринят более поздними переводчиками и теоретиками литературы. Тем не менее он отражает литературоведческие искания середины XIX в. А опыт Ордынского, пусть и отвергнутый впоследствии, послужил почвой для дальнейших поисков в области передачи философской и литературно-теоретической терминологии греческого философа.

## Ссылки

1. Аристотель. Об искусстве поэзии / пер. В. Аппельрота. М.: ГИХЛ, 1957. 184 с.
2. Гаспаров М. Л. Аристотель. Поэтика. // Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1978. С. 111–163.
3. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: ИНДРИК, 2012. 264 с.
4. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
5. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Академический проект, 2021. 755 с.
6. Новосадский Н. И. Предисловие // Аристотель. Поэтика / Пер. Н.И. Новосадского. Л.: Academia, 1927. С. 5–6.
7. О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевелъ, изложилъ и объяснилъ Б. Ордынский. М., 1854. 135 с.
8. Ордынский Б. И. Изложение // О поэзии. Сочинение Аристотеля. Перевелъ, изложилъ и объяснилъ Б. Ордынский. М., 1854. С. 41–131.
9. Остолопов Н. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821.